

КУЛЬТ МЕЛАНХОЛИИ И «САТУРНИАНСТВО» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ОБРАЗНОСТИ РАННЕНОВОГО ВРЕМЕНИ

Д. А. Король

Национальный университет «Киево-Могилянская Академия»,
Киев, Украина
al-silver@ukr.net

Акцент в статье делается на мировоззренческом сдвиге шестнадцатого века. «Герметическая натурфилософия» конца XV – начала XVII вв. открыла путь к становлению интеллигенции нового образца, в чьей среде модель просвещённого гения, поэта-философа неотрывно связалась с образом Меланхолии. Её воздействие на человека бралось не из мрачных прогнозов аристотелевской школы, но из торжественных определений Плотина, Пико дела Мирандолы и Агриппы Неттестеймского. Аналогично и планетарный покровитель меланхоликов – античный бог смерти и неумолимого времени Сатурн-жнец – отныне становится покровителем «неистовой мудрости» и «героических энтузиастов». Отмеченные метаморфозы мифологических персонажей иллюстрируются иконологией XV–XVI вв.

Ключевые слова: Сатурн, меланхолия, гуморы, астрология, герметизм, иконология, Ренессанс, постсредневековые, Vanitas.

THE CULT OF MELANCHOLY AND 'SATURNIANISM' IN THE EARLY MODERN IMAGERY OF WESTERN EUROPE

Denis Korol

National University of "Kyiv-Mohyla Academy", Kiev, Ukraine
al-silver@ukr.net

The paper deals with the concept of 'Melancholy' – one of the four humors in Hippocratic medicine, practiced in Europe and Middle East from Antiquity till the very end of the Modern time. Being a "daughter of Saturn" in the late-medieval world view, it went through a curious conceptual metamorphosis along with mythological Saturn himself during the 15th – 17th centuries. In that period, a peculiar trend of Hermetic Natural Philosophy gave rise to an utterly new type of intellectuals. Model of the enlightened genius and poet-philosopher was continuously connected with the character of Melancholy among them. Its effect on the human nature was modeled not upon the gloomy anticipations of the Aristotelian school, but the solemn definitions

of Plotinus, G. Piko della Mirandola, and Agrippa von Nettesheim. Seen previously as a 'God of death and inexorable time', 'the Reaper', Saturn had been transformed to become a patron of wisdom and a mentor of melancholical 'heroic enthusiasts'. Rich iconological diversity of practically identical motives in the art of the 15th – 17th cc. illustrates these theses.

Keywords: Saturn, melancholy, humors, astrology, hermetism, iconology, Renaissance, post-medieval, Vanitas.

Иконографический материал XVI–XVII веков демонстрирует немалую популярность меланхолического и «сатурнианского» начал. Именно этот планетарный покровитель из античных преданий в указанное время стал появляться на полотнах и гравюрах особенно часто и в несколько нетрадиционном контексте. Психологическое состояние меланхолии, можно сказать, вошло в моду среди просвещённой элиты того времени.

Данная статья не ставит целью описать все ракурсы проявления указанных начал, но акцентирует внимание лишь на самых ярких примерах изобразительного и литературного творчества XVI – начала XVII вв. Автор опирается на искусствоведческие наблюдения и семиотико-иконографический анализ [Panofsky 1972; Seznec 1961; Warburg 1999], на структурно-семиотические построения и культурологическую компаративистику [Duits 2011; Finkelstein 2005]. Нужно сказать, что на постсоветском пространстве внимание данной проблеме, по сути, уделялось крайне редко [см: Бурно 2013; Южакова 2010]. Из разработок же последних лет отметим труды Антона Нестерова [Нестеров 2003; Нестеров 2015]. В то же время на Западе за последние тридцать лет вышло немало работ, посвящённых меланхолии и «сатурнианской» образности ранненового времени, но многие из них, увы, бесполезны для нашего историко-культурного семиозиса – включая фундаментальный труд Юлии Кристевой «*Чёрное солнце. Депрессия и меланхолия*», – иные же были нами успешно использованы [Перлоу 2006; Юханнисон 2011; Beecher 1987; Haskell 2009; Voss 2007].

Что же до наиболее фундаментальных западных источников, упомянуть стоит прежде всего труды учеников и продолжателей методологии Аби Варбурга – Эрвина Панофски и Фрица Закля [Klibansky and oth. 1964; Panofsky, Saxl 1933], в частности, известный труд «*Сатурн и Меланхолия*» (1964). Мало какие труды, затрагивающие данную тематику, обходят стороной эту энциклопедическую

монографию. Именно на её страницах блестяще анализируется феномен меланхолии в контексте гуморальной медицины и указывается, что именно её планетарным покровителем уже в эллинистических трактатах выступал астрологический Сатурн. Продемонстрирована трансформация этого мифологического отца Девы Меланхолии от античного Кроноса – тирана и детоубийцы – к престарелому правителю «*Illud Tempus*», покровителю мудрецов и философов (рис. 1–3, 7). Наконец, утверждается, что в иконографии средневековья и ранненового времени именно «*дети меланхолии*» аналогичны «*детям Сатурна*», пройдя путь трансформации от гротескных изгоев и маргиналов до отшельников, мудрецов и мистиков.

Отдельное внимание обращаем на труды Фрэнсис Йейтс, которой было свойственно освещать неоднозначный период XV–XVII веков во всей его многогранности и полноте, с помощью истинно междисциплинарного анализа [Йейтс 1999; Йейтс 2000; Yates 1979; Yates 1981]. Благодаря её метким наблюдениям обретают смысл многие разительные перемены в обществе и книжной среде того времени. Идеалы универсального «человека-титана», приписываемые Гермесу Трисмегисту, воспетые неоплатониками и пантеистами Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, повлияли как на многих современников, так и на последующие несколько поколений. Следует признать, что сама Ф. Йейтс обращается к упомянутому труду «*Сатурн и Меланхолия*» довольно выборочно. В свою очередь, авторам названной работы явно не хватало наблюдений самой Ф. Йейтс. Хочется верить, что следующий далее очерк способен стать примером органичного синтеза их наблюдений.

* * *

Истоки понятия «меланхолия» восходят к древнегреческим трактатам по медицине: концепция четырёх *гуморов* Гиппократов подразумевала своеобразное «сезонное» распределение факторов здоровья в человеке посредством «активных соков» в нашем теле. Так, выделялись собственно кровь (греч. αἷμα, «гема»), лимфа, или мокрота (греч. φλέγμα, «флегма»), <жёлтая> желчь (греч. χολή, «холе») и чёрная желчь – (греч. μέλαινα χολή, «мелэна холе»). Именно последняя отвечала за стрессовые состояния организма, делала человека «грустным и боязливым». В изложении Гиппократов «меланхолики боятся света и избегают людей, они полны всевозможных опасностей, жалуются на боли в животе, словно их колют тысячами иголок» [Меланхолия 2015]. Эти четыре сока, или

гумора, прекрасно укладывались в характерную для тогдашнего античного мышления математическую модель (см.: *Problemata* I), то есть по осям четырёх координат (или, если угодно, времён года) [Aristotle 1927].

Понимание мироустройства сообразно стихиям огня, земли, воды и воздуха увязывало состояние организма с распределением сухости и влажности, теплоты и холода. Их сочетание было способно объяснить решительно любой диагноз, что впоследствии стало основой и арабской медицины. Болезненное давление «чёрной желчи» было вызвано доминированием «сухого холода» или «холодной сухости». Впрочем, выход за рамки «гармонического равновесия» любого другого гумора аналогичным образом влекло за собой некий недуг либо же психические импульсы, определяющие темперамент, о чём гласит (псевдо-)аристотелевский пассаж о четырёх темпераментах в *Problemata* XIV [Aristotle 1927] (рис. 4). Увязывал болезни с соками и медик Гален. В его дни античный рационализм был преизрядным образом разбавлен восточной астрологией. Даже лекари Египта – александрийские наследники лучшей медицины древнего мира – учитывали положение небесных светил в обязательном порядке.

Таблица 1

Традиционный темперамент	Сангвиник	Холерик	Меланхолик	Флегматик
Гуморы:	кровь	желчь	чёрная желчь	мокрота
Планеты:	Юпитер	Марс	Сатурн	Луна
Элементы:	Воздух	Огонь	Земля	Вода
Сезоны:	Весна	Лето	Осень	Зима
Органы	Печень	Селезёнка	Жёлчный пузырь	Мозг/Лёгкие
Качества:	теплота и влага	теплота и сухость	холод и сухость	холод и влага
Древние характеристики:	мужественный, полный надежд, любвеобильный	вспыльчивый, горячий, несдержанный	раздражительный, склонный к хандре, унылый	расслабленный, малоподвижный, бесстрастный

Это учение традиционно возводят к халдеям, точнее, к вавилонскому естествознанию в целом: именно там управители планет черпали свою образность непосредственно от богов, чего не знала

классическая Греция. Именно из Вавилона происходит первая известная нам астрологическая натальная карта (датирована 410 г. до н. э.) [Lawrence 2005]. Вавилонские медики лечили конкретный недуг сообразно расположению светил в конкретное время суток и конкретными инструментами, использование которых было продиктовано этими соотношениями. И, безусловно, в случае любой болезни первым делом составлялся гороскоп. Вавилоняне издавна выделяли семь планет, управляемых планетарными божествами, – важно, впрочем, отметить, что каждой планете соответствовало сразу несколько божественных покровителей [Kasak, Veede 2001, 14–15]. Каждый такой демон-покровитель проявлялся также в соответственных металлах, минералах и органах живого организма. Так, например, управитель планеты *Сатурн* был связан со свинцом и проявлялся в категориях старости, тления, завершения, замыкания, но одновременно и мудрости, полноты, погружённости. Нередко его изображали в виде того или иного воинственного звёздного божества, как, скажем, изображён крылатый Нинурта с серповидным мечом (рис. 3 а). Э. Казак и Р. Вииде отмечают, что аккадский порядок планет в вавилонское время был изменён в позициях как раз Сатурна и Меркурия. Последнему когда-то соответствовали атрибуты мудрости и познания, и покровителем этой планеты изначально значился Набу. Впоследствии возникла «рокировка», и Нинурта стал связываться с Меркурием, а на Сатурн перешла символика наук и ремёсел [Kasak, Veede 2001, 17].

Меж тем, ещё для эллинов времён Платона небесные светила и олимпийские боги между собой никак не связывались [Panofsky, Saxl 1933, 244]. Однако нужно отдать грекам должное: как вслед за профессором Ньюгебауером отмечает Дж. Норт, планетарные прогнозы вавилонских астрологов касались всего общества, тогда как эллинистические – индивида. «Это истинно эллинское изобретение во многом было параллельным развитию идеологии христианства спустя несколько столетий» [North 1989, 56].

В эпоху эллинизма активно проявленный в классической греческой культуре материализм был сильнейшим образом разбавлен восточной мистикой и астрологическими суевериями [Seznec 1961, 156–162]. Александрийские кружки породили удивительнейшие синкретические системы, и «*Герметический корпус*» самым непосредственным образом апеллирует к планетарным покровителям, зодиакальным *деканам* (наследие Египта) и космическим «*циркум-террральным*» сферам, а гностические веяния рубежа эр лишь «подлили масла в огонь».

Что же до меланхолии, то уже у Платона [см.: Платон 1993] мы читаем рассуждение о благой форме безумия в виде «божественного исступления» (Φαῖδρος 244–245):

Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот ещё далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых. Вот сколько – и ещё больше – могу я привести примеров прекрасного действия неистовства, даруемого богами. Так что не стоит его бояться, и пусть нас не тревожит и не запугивает никакая речь, утверждающая, будто следует предпочитать рассудительного друга тому, кто охвачен порывом.

Аристотель подмечал особую одарённость людей, осенённых этим состоянием – все они были περὶττοι («выдающиеся», но одновременно «пребывающие вне меры») [Preester 2007, 16; Voss 2007, 150–151]. Недаром считалось, что при склонности к меланхолии, а также *ипохондрии* или *асцидии* как её проявлениях, следует активно заниматься философией либо поэзией [Старобинский 2016, 48–52]. Сюда же отнесём и памятную цитату (Псевдо-)Аристотеля¹ (*Problemata* XXX 1):

Отчего все те, кто прославился в областях философии или управления государством, равно же в поэтическом или каком ином искусстве, – самым явственным образом подвержены меланхолии? Иные до такой степени, что страдают разлитием чёрной желчи, как, например, Геракл среди героев. Ведь и его натура была меланхоличной, благодаря чему эпилептические припадки древние именовали «священной болезнью» [или в честь него – Геракловой]. <...> И многие другие герои, как известно, страдали той же болезнью, а в новейшее время также Эмпедокл, Платон и Сократ и многие другие прославленные мужи, равно как и большинство среди поэтов...

На средневековом Западе идеи о «божественном неистовстве» практически сошли на нет. В то же время Хильдегарда из Бингена поддерживала тезис Августина о том, что «меланхолия отражает состояние не благодати, но немилости – конечной цели страдания». Для неё меланхолия была не столько умственным заболеванием, сколько Божьей карой за первородный грех [Старобинский

¹ Ниже мы ещё коснёмся того момента, что цитируемые «Проблемы» всё же не принадлежат перу Аристотеля, но являются в значительной степени *эллинистическим* текстом. Иные же авторы и вовсе полагают, что составлены они были в XVI веке. Так или иначе, в сфере аристотелевской текстологии споры об авторстве не утихают. Фрагмент цит. по: Aristotle 1927 (пер. с англ. выполнен нами. – Д. К.).

2016, 58–60]. Таким образом, неудивительно, что меланхолия стала ассоциироваться не просто с ежедневным страданием, но с изначальным грехом. Иоанн Златоуст (347–407) всё ещё соотносил её с божественным испытанием, «которое можно было выдержать и даже осознать только после глубокого самоанализа и молитвы». В общем же для христианских мыслителей это было великое бедствие: безумие, приводящее к гибели; но одновременно и промысл свыше: персональный «Страшный Суд» индивида, который было необходимо смиренно сносить.

Для средневековых лекарей, разделявших гуморальную теорию античности, дисбаланс тепла и влаги вызывал у человека соответственный душевный недуг (рис. 4). Тем замечательней читать об одержимости «Дамой Меленконией» у мэистера Алена Шартье в его поэме «*Fais Maistre*» (1480), где восхитительным образом соединились привычная средневековая гуморальная концепция и античный релятивизм (рис. 5). В первой главе своей поэмы он пишет²:

И вот, в этом положении, увидел я, как приближается ко мне старуха – весьма неопрятная в одеждах, <...> высокая, сухая и сморщенная, с бледным, свинцовым (NB! – Д. К.), землистым цветом лица, с подавленным взглядом, сбивчивой речью и впалыми губами. Голова её была укрыта землистым и пыльным платком, а тело укутано в мантию.

Приблизившись в полнейшей тишине, она внезапно схватила меня на руки и укутала всего с головы до ног в свой покров злосчастья. <...> Вот так, бесчувственного, повлекла она меня в дом Немоши и влила меж челюстей моих Недуг и Беспокойство. <...> старуха эта звалась Меланхолией. Она путает мысли, иссушает тело, отравляет телесные соки, ослабляет восприятие и влечёт человека к болезни и смерти. Согласно Аристотелю, она способна ныне, как и прежде, смутить самые возвышенные умы <...>.

Но вот, после величайшей слабости, долгого поста, резких болей и помутнения разума, причинённых тяжёлыми ладонями Дамы Меланхолии, я ощутил, как распахнулся в моей голове некий орган – в той её срединной области, которая отвечает за воображение (что иные зовут «фантазия»), – ощутил, как он зашевелился и потёк.

Таким образом, когда мы видим спустя столетие превращение Меланхолии прямо-таки в предмет культа, ситуация озадачивает: предыдущий дискурс не подразумевал подобной смены парадигмы! Вот когда самое время вернуться к Сатурну-Кроносу. Его метаморфоза куда нагляднее и объяснимей.

Изначально мы имеем образ земледельческого бога-покровителя смены циклов и сбора урожая, содержащий в себе отсылку к Золо-

² Перевод отрывка на русский язык выполнен нами с англ. по: Klibansky and oth. 1964, 224–225.

тому Веку (этимологически др.-греч. Κρόνος происходит от *Kraṇao = «отсекать, пожинать») [Лосев 1997] (рис. 2 а, б). Подобно Гекате и Горгоне Медузе, это божество было демонизировано ещё в дни полисной Греции. По орфической традиции, детоубийца Крон впоследствии примиряется с Зевсом и правит на Островах Блаженных, на краю земли, за Океаном, где обитают только мёртвые, – отсюда и возникло понятие о царствовании Крона как счастливом и благодатном времени. Народная этимология сблизила имя Крона с наименованием Отца Времени – Хроносом; греки знали его как крылатого Кайроса (рис. 3 б). Этрuscoский Сатурн – не Крон / Кронос, но тоже древний Жнец. Объединили их уже в дни римской культурной экспансии, и Сатурна тоже начали воспринимать как символ неумолимого времени. То время, когда Крон являлся «владыкою неба», было золотым веком мифологической истории.

Эллинистический философ Плотин высоко ставил бога Сатурна – так же, как Аристотель – меланхолический темперамент. По мнению Плотина, Сатурн, будучи старше всех богов, стоит ближе к первоначальному источнику жизни, чем рождённые от него Юпитер и прочие боги. Этот древний бог воплощает высший интеллект, ибо он создал всё то, чем овладели и что только поняли другие. «Кронос, говорится, мудрейший из богов, произошёл прежде Зевса и пожрал своих детей; тут под Кроносом следует разуместь Ум, который все рожденные идеи в себе же содержит и полон ими» [Плотин 2003].

Вот почему с эллинистического времени влиянию Сатурна свойственен диалектизм: с одной стороны, за ним утверждены *приземлённость, тяжеловесность, тревожность, беспокойство, травматичность, мрачность*. Но, с другой стороны, имелось и важное уточнение: именно меланхолический гумор обеспечивал подготовленному человеку *основательность, целеустремлённость, глубинную мысль, озарение свыше, готовность на авантюру, гениальность*. Именно это воздействие Сатурна вело к катарсису – божественному очищению... Сразу следует прокомментировать, почему в следующую тысячу лет это уточнение было упущено из виду. Начиная с Аристотеля и тем более в трудах Александрийской школы речь шла о человеческой *индивидуальности*. Вот в каком контексте сказано о «подготовленности». И если уж Небо наделило тебя темпераментом меланхолика, – значит, самой Судьбой тебе уготован путь философа, художника, поэта, изобретателя (в противном случае тоска неминуема). И в этом же ключе поощрялся авантюризм – характерная черта эллинистической психологии. Равно как и ренессансной...

Учёные мужи Александрии дополнили и увязали астральную символику с анатомическим и географическим магнетизмом, описали взаимодействие гиппократовых *гуморов* сообразно свойствам их планетарных покровителей. На их наследие указывает Генрих Корнелий Агриппа в своём «энциклопедическом конспекте»: «*Признаки предметов Сатурна наделяются грустью и меланхолией <...>. Нравы и занятия людей распределяются и делятся согласно планетам; так, Сатурн управляет старцами и монахами, меланхолиями, спутанными сокровищами и тем, что приобретается благодаря долгим поездкам*» (*De Occulta Philosophia*, гл. 22) [Klibansky and oth. 1964, 355–359; Yates 1979, 41–70].

Что же до традиционного христианского богословия, то, пожалуй, ярче всего средневековое отношение к меланхоликам демонстрирует Арнольд из Виллановы в своём «Салернском кодексе здоровья» [Арнольд 1970, 86]:

Только про чёрную желчь мы ещё ничего не сказали;
Странных людей порождает она, молчаливых и мрачных.
Бодрствуют вечно в трудах и не предан их разум дремоте;
Твёрды в намереньях, но лишь опасностей ждут отовсюду,
Жадны, печальны, их зависть грызёт, своего не упустят,
Робки, не чужд им обман, а лицо их землистого цвета.

Отсюда же и традиция «планетарных детей». В частности, «детям Сатурна» постулировалась связь с геодезией и геомантией, картографией и мореплаванием, астрономией и геометрией, – и всё это уже в рукописях XIII–XIV веков. Однако эти ассоциации из «*Пикатрикса*» и арабских трактатов по медицине и астрологии пока что не могли закрепиться в европейском сознании. Типичный средневековый Сатурн – правитель с Драконом Времени и ребёнком в руках (рис. 1 а, 2 е). Хотя образ восседающего правителя со множеством инструментов и земной сферой в руках тоже понемногу закреплялся в ассоциативном опыте европейцев (ср. рис. 2 d–c, 3 b, 7 b и 7 e).

Уже на исходе средних веков поэты и художники обыгрывали античное наследие: образы, мифы, аллегории Аполлодора и Овидия (и не только их), хоть и делали они это весьма специфически: эвгемеризм сочетался с куртуазной образностью, что порождало замечательные «химеры». В качестве примера можно привести иллюстрации французского художника середины XV в. Антуана Роллана к античной мифологии в изложении Боккаччо («*Генеалогии богов*») и к популярному при бургундском дворе сочинению доктора Эврава де Конти «*Шахматы любви*» (рис. 1 а). Нужно отме-

тить, что Робинэ Тестар, проиллюстрировавший «Шахматы Любви» на рубеже XV–XVI столетий, подошёл к отображению мифа о Сатурне более натуралистично (ср. рис. 1 b).

Практически одновременно мир увидел рыцарский роман «Собрание повествований о Трое» другого француза – Рауля Лефевра. События здесь идут от «Золотого века Сатурна». Ожидалось галантное произведение о подвигах античных героев. Разумеется, при таком подходе и речи не могло быть ни о каком поедании младенцев, и тем более – ни о каком оскотлении! И вот Лефевр сперва по стопам Эвгемера очеловечил большую часть персонажей, включая богов и чудищ, а затем начал активно использовать аллегории. Именно у него все европейские традиции о Сатурне трансфигурировали в единое целое [Beecher 1987]. У Лефевра мы ясно видим модель *впадающего в меланхолию свергнутого правителя* (активно задействованную драматургами конца XVI века). Этот Сатурн вечно хандрит, и каждый его следующий шаг хуже предыдущего... И вот теперь в восприятии бургундской аристократии Сатурн – не кровожадное чудовище, но король-неудачник, ослеплённый амбициями и пойманный на клятвах...

В пятнадцатом веке «сатурнианский недуг» всё ещё сохраняет около-негативный аспект античной медицины: «зловещее безумие волею Всевышнего» – вот примерная его формулировка в двух словах при анализе поэзии Боккаччо, Рэмбо, Божардо, Шартье и короля Рене Анжуйского [Klibansky and oth. 1964, 221–227]. Итальянцы же тех дней изображают его чаще всего в контексте петраркианского сюжета «Триумф Времени» (рис. 3 b, c, f). Здесь это старец, что возвышается на колеснице; его атрибуты – коса и песочные часы, нередко, впрочем, и упомянутый выше дракон Времени. Наличие ребёнка в руке опционально и часто символизирует собой всего лишь юный Новый год. «Времена Года» на гравюрах того времени тоже как правило подразумевали планетарные аллегории.

Безусловно, речь уже идёт о знаменитой ренессансной живописи с её любовью к античным образам и сюжетам. Эти моменты анализировал в своё время Аби Варбург, чьи тезисы расширил и дополнил Фриц Заксль [Duits 2011, 5–7; Panofsky, Saxl 1933]. И здесь важно осознание того, что итальянское Возрождение никоим образом не «возрождало» античные идеи в их рафинированном рационализме. Не менее важен и акцент Варбурга на «варварском Ориенте» (арабский мир, Индия etc.) с его мистицизмом и астрологичностью, который ощущается в европейской образности уже с начала XIV в., а стало быть, отразился в более позднем

искусстве мощнее, нежели эллинистические концепции [Duits 2011, 10, 17]. Как акцентированно указывают авторы исследования «Сатурн и Меланхолия», по рукам европейцев XV–XVI веков активно ходили сонники, гороскопы и «колдовские» компендиумы, вроде «Пикатрикса», где немало внимания уделялось символике небесных покровителей [Duits 2011, 10; Seznec 1961, 182; Йейтс 2000, 49–56, 66–68, 76–78]. Химерические идентификации допускали уже арабы, причудливо смешивая эллинистическую, персидскую и халдейскую традиции. Вот так и получилось, что вавилонский сатурнианский Нинурта, звёздный воитель с напоминающим *кхонеш* клинком, чьё покровительство плодородию стало ассоциироваться у эллинов с Кроном [Kasak, Veede 2001, 25–26] (рис. 3 а), повлиял на образ чернокожего правителя, у которого в руке то коса, то мотыга (ср. иконографию «Книги Чудес», космографического компендиума Абу-Машара, или турецкого Сатурна-«аль-Зукхалы» на рис. 2 d). При этом восточные рукописи любили акцентировать и даже смаковать аспекты. В частности, аспектами Сатурна были земляные работы, рудное дело, отшельничество, книжность и пенитенциарные меры, что впоследствии перекочевало и в европейскую иконографию (напр., рис. 3 е).

Благодаря преподобному доктору Марсилио Фичино Европа заново открыла для себя неоплатоников [см.: Горфункель 1980] и «Корпус Гермеса Трижды-величайшего» в придачу; детали этой «революции в умах» блестяще изложены в монографии Фрэнсис Амелии Йейтс [Йейтс 2000, 24–78]. Средневековый «негатив» вокруг образа Сатурна сменился рассудочной мечтательной тоской «от Фичино», который, переводя платоновский и платиновский корпус, открыл глаза тогдашней интеллигенции на давние античные формы и формулировки. Как указывала в своё время историк искусства Ц. Г. Нессельштраус, «взгляды Аристотеля и Платона были известны средневековым схоластам», но «лишь в эпоху Возрождения развитие интереса к личности, разуму и дарованиям человека создало почву для воскрешения теории Аристотеля и Платона. Теперь меланхолический темперамент, ранее вызывавший лишь страх и презрение, был окружён ореолом гениальности. То, что считалось несчастьем, стало хотя и опасным, но завидным даром. Не отрицая недостатков меланхолического темперамента, итальянские гуманисты вместе с тем утверждали, что именно его обладатели создали высшие ценности, порождённые человеческим разумом» [Нессельштраус 1961, 144–153]. Многие теперь уже попросту стали подражать меланхоликам.

Со своей стороны укажем, что подобное разделение средневековой и ренессансной ментальности уже довольно устарело. Но характерная фичиновская мода на меланхолию действительно выступает характерным штрихом именно гуманистического сознания. Здесь есть и личностный аспект: ведь будучи доктором и астрологом, Фичино явственно увидел собственную «печать меланхолии» – как в своей натальной карте (Сатурн в Водолее etc.), так и наблюдая за своим поведением. В переписке с друзьями он указывал, что за негативными потенциями Сатурна и меланхолии скрываются немалые дары – и чтобы не пострадать самому, он обязан их сформулировать [Нестеров 2015, 78; Voss 2007, 153–155].

Новизна релятивизма в оценке влияния Сатурна и меланхолии восходит к идеям Джованни Пико дела Мирандола: его Человек – шедевр Господа; он всемогущ, но, пребывая в мире материи, зависим от неё и от внешних воздействий. Однако самодисциплина позволяет человеку вознестись над всеми искусствами и все амбивалентные энергии направить на самосовершенствование [Йейтс 2000, 79–112]. И вот уже Агриппа из Неттесгейма пишет о том, что воздействие покровителей звёзд, планет и зодиакальных деканов – именно что амбивалентно! И что именно человеку надлежит избрать, какому именно влиянию поддаться – благому или негативному. Так же и Сатурн несёт нам как *дары*, так и *плату* за них. Меланхолия – один из таких даров. Для Агриппы меланхолия распределена по трём сферам мироздания: *melencholia imaginative*, *melencholia rationalis* и *melencholia mentalis*. «Поскольку, освобождённая “humor melancholicus”, душа полностью сконцентрирована в воображении, она незамедлительно становится обиталищем для низших духов, от которых часто получает удивительное руководство в физических ремёслах... Когда душа всецело сконцентрирована на разуме, она становится домом срединных духов; таким образом, она достигает знания и понимания природных и человеческих вещей... Но когда душа полностью взмывает к интеллекту, она становится домом высших духов, от которых она научается тайнам божественных дел» [Klibansky and oth. 1964, 357].

Последователи практик Марсилио Фичино избегали «негативных воздействий Сатурна» всеми силами, в то время как читавшие Агриппу стремились уподобиться представителю «царства Сатурна». Согласно Агриппе, безумие меланхолии было источником вдохновенного творческого достижения, и верующий и дисциплинированный ученик мог перейти к своему высочайшему уровню. Йейтс предполагает, что именно познакомившись с такой идеей,

взлелеянной от Плотина до Пико через труд Агриппы, Альбрехт Дюрер вознамерился создать «*MELENCOLIA-I*» – своеобразный талисман-гравюру для императора Максимилиана (рис. 6 а). На ней и помимо этого хватает прочих смыслов, и за более детальным иконологическим анализом мы отсылаем читателя к очеркам Е. Южаковой, Д. Финкельстайна и Су Цу-Чун [Южакова 2010; Finkelstein 2005; Su 2007; также см.: Klibansky and oth. 1964, 284–400]. Более того, в том же 1514 году им были созданы «*Рыцарь, смерть и Дьявол*» и «*Святой Иероним в келье*». Последний, что характерно, имеет немало атрибутов именно Сатурна, что было частым нюансом тогдашних сюжетов о св. Иерониме. Здесь же стоит упомянуть и своеобразного художественного вдохновителя Дюрера – Джулио Кампаньолу с его «*Сатурном*» (1495?) и «*Астрологом*» (1509) [Klibansky and oth. 1964, 210–212] (рис. 7 а, d). Думается, именно с его подачи восседающий грустно-задумчивый Сатурн набирает растущую популярность, возникая то в облике всё того же Иеронима, то в виде Мирового Геометра (рис. 7 b, f), как на полотне «*Меланхолия в саду жизни*» (1558) Маттиуса Герунга (рис. 7 e).

Львиная доля последующих «Меланхолий» в европейском искусстве так или иначе равнялась на Дюрера (гравюры Ганса Зебальта Бехамма и Маартена де Вооза, Чезаре Рипа и Джованни Кастильоне, etc.). Впрочем, упомянутый Герунг может похвастаться определённой самобытностью. Он добавил масштабные энциклопедические зарисовки всего связанного с «сатурнианством» и меланхолическими проявлениями, причём одновременно не столько переосмысляя Дюрера, сколько будто бы дополняя его, так что Ф. Йейтс предположила, что это – копия с несохранившейся графической работы Дюрера, которая должна была называться «*Melencolia-II*» [Yates 1979, 161–164]. В этой работе обнаруживаются и некоторые нюансы (та же Дикая Охота в небесах), которые роднят её с аналогичными зарисовками ещё одного самобытного художника: Лукаса Кранаха Старшего. Его «Меланхолии» (1528 и 1532 гг.) запечатлели демоническую – ведьмовскую – ипостась женщины, что задумчиво восседает посреди своеобразного «садика мироздания», которому, как видно, «осталось уже недолго» (рис. 6 b). Думается, именно этот образ вдохновил киноавтора Ларса фон Триера, в чьём шедевре 2011 года о космической катастрофе трудно не заметить многочисленные отсылки к образам Кранаха, равно как и Дюрера.

Поскольку меланхолия была одновременно и в центре, и на вершине интеллектуальной жизни, то действительно заслуживать звания меланхолии могло лишь пассивное созерцание – более

не скованное воображением или даже логикой [Перлоу 2006]. Естественно, что с конца XV в. многие отдавались под покровительство «отца меланхолии» Сатурна, одновременно стараясь обезопасить себя от её вредного действия ношением специальных амулетов-талисманов. Талисманами в концепции Фичино могли выступать и медальоны (см. рис. 8 а, d), и живописные полотна, и гравюры (Йейтс убеждена, что именно этим объясняется немалая часть образности Дюрера), и даже фрески (что хорошо продемонстрировала Феррарская школа) [Йейтс 2000, 56, 69; Warburg 1999].

Характерна для того времени и дискуссия вокруг «Проблемы XXX» (из *Problemata Physica* Псевдо-Аристотеля [Aristotle 1927], в котором подчас видят Парацельса). Авторы «Сатурна и Меланхолии» (при том, что «Проблемы» они приписывали Аристотелю непосредственно) оценили псевдо-аристотелевские тексты так: «Божественное иступление стало расцениваться как чувствительность души, а духовное величие человека было измерено его способностью к переживанию и, прежде всего, к страданию» [Klibansky and oth. 1964, 41].

Британский маньеризм рубежа шестнадцатого и семнадцатого веков был глубоко аллегоричен. Образы каббалистической магии, алхимии и астрологии непрестанно фигурируют на полотнах этой эпохи. В равной степени елизаветинцы явно наслаждались меланхолией [Haskell 2009, 279–280]. Немало британской аристократии конца XVI в. изображались в «цветах Сатурна» и в «позе меланхолии» (рис. 8) [см.: Нестеров 2015, 49–50, 70]. Эстетика диктовала оперирование прекрасными, гармоничными фигурами, вписанными в многочисленные коннотации смерти-возрождения. В качестве примера легко представим, в частности, английский художник рубежа XVI–XVII веков Роберт Пик.

Весьма примечательна маньеристическая гравюра-аллегория *memento mori* Рафаеля Заделера «*Nascentes Morimur. Mors rediviva*» (1587) (рис. 8 f). Безусловно, перед нами сюжет из серии «*Vanitas*». Но иные, дополнительные смыслы аудиторией только приветствовались. И вот эта беззаботность юности среди смерти на фоне сатурнианского земледелия – явно реминисценция всё того же «Царства Сатурна». Характерный череп сближает сатурнианскую образность с популярным уже полтора столетия сюжетом «Триумфа Смерти», а мыльные пузыри у *путти* отсылают нас к другому маньеристическому мотиву *Vanitas*: «*homo bulla*». Именно эта гравюра наглядно демонстрирует качественно новое мировоззрение. При этом здесь ещё нет сумрачно-ликующей символики барокко. Вслед

за Фрэнсис Йейтс мы допускаем в качестве причины подобной перемены упомянутые мощные веяния герметизма на исходе «золотого» шестнадцатого века.

Лишь с его угасанием к двадцатым годам XVII столетия приходят новые веяния. Мир-механизм постепенно заполнял воображение тогдашних творцов и философов. Впрочем, возможно, именно благодаря этому процессу возникают гениальные творения уходящей образности, среди коих можно указать первое в мире буквальным образом мультимедийное произведение Михаэля Майера «Убегаящая Аталанта»... Алхимические процессы, изображённые здесь, умело сочетают в себе танатический натурализм и меланхолическую аллегоричность [см.: Бутузов 2006].

Об этом переходном периоде Кен Перлоу высказался таким образом [Перлоу 2006]:

...ортодоксальный неоплатонизм был вынужден уступить дорогу маньеризму, в котором эмпирические методы находились под диктатом вдохновенного Нуса не просто в стремлении к логосу, но в стремлении к гнозису – божественному поиску истины – и эта новая сила позволила теперь честолюбивому магу, учёному, а равно и художнику увидеть космос из новой перспективы. <...> Церковь терпела герметиков Ренессанса: их было немного, но, что более важно, их направленная внутрь меланхолическая система верований была по существу созерцательной. Теперь, однако, они становились гностиками и нахалами, которые много путешествовали и разглагольствовали о своих открытиях. Не имело значения, были ли они популярны или нет: идея о том, что даже отдельный мистик мог посредством своего вдохновенного Нуса достигать универсальной истины, была нетерпима для религиозного института, уже ведущего ожесточённую схватку на своей территории.

Итак, вследствие идеологического импульса Джованни Пиконделла Мирандола, с текстовой подачи Корнелия Агриппы и благодаря визуальному вдохновению от Альбрехта Дюрера Сатурн становится гением-покровителем всех непризнанных гениев, сгущающих аристократов-интеллектуалов XVI века. Меланхолия осеняла грустную задумчивость изобретательного Гамлета и скорбное торжество всемогущего Просперо – типичные «сатурнианские» образы эпохи, воспетые Уильямом Шекспиром... На эти метаморфозы нам недвусмысленно указывают графические работы и живописные полотна эпохи, драматургия и поэзия. В частности, мы можем привести в пример литературную деятельность английского кружка финала елизаветинской эпохи, прославившегося как «Школа

Ночи», от которого остались тематические стихи и памфлеты [Voss 2007, 164; Yates 1981; Yates 1979, 157–185]. «Сатурнианскими меланхоликами» считали себя, в частности, Джон Ди, Джордано Бруно, Михаэль Майер и немало иных неординарных натурфилософов, изобретателей и герметистов эпохи.

В общем и целом, представленный здесь материал лишний раз демонстрирует, что этап европейской культуры с середины шестнадцатого века до финала первой четверти века семнадцатого предстаёт уникальным самобытным явлением, которое невозможно уместить в рамки «Ренессанса», «Реформации», «барокко» или «долгого средневековья». Активные представители этого периода предстают носителями весьма специфической ментальности, пронизанной особой синкретической образностью, семиотическая мозаика которой не имела места в европейском сознании ни до, ни после этого времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арнольд 1970 – Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья / Пер. Ю. Шульца. Москва, 1970.
- Бурно 2013 – Бурно М. Е. «Меланхолия» Дюрера и «Гамлет» Шекспира. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://characterology.ru/creatologia/philology/Durer_Melancholy_and_Shakespeare_Hamlet (дата обращения: 22.10.2016).
- Бутузов 2006 – Бутузов Г. Золотые яблоки доктора Майера. Заметки о «Убегаящей Аталанте» // Бутузов Г. Алхимия и Традиция. Москва, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://latebra.narod.ru/auru.html> (дата обращения: 01.11.2016).
- Горфункель 1980 – Горфункель А. Х. Ренессансный неоплатонизм // Философия эпохи Возрождения. Москва, 1980. С. 91–99.
- Йейтс 2000 – Йейтс Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция. Москва, 2000.
- Йейтс 1999 – Йейтс Ф. А. Розенкрейцерское Просвещение. Москва, 1999.
- Лосев 1997 – Лосев А. Ф. Крон // Мифы народов мира. Том 2. Москва, 1997. С. 18.
- Меланхолия 2015 – Энциклопедия культур. Меланхолия. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m/Melanholia.html> (дата обращения: 21.10.2016).
- Нессельштраус 1961 – Нессельштраус Ц. Г. Альбрехт Дюрер: 1471–1528. Москва, 1961.

- Нестеров 2003 – *Нестеров А. В.* Астрологические контексты елизаветинской поэзии // *Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов.* Саратов, 2003. С. 210–261.
- Нестеров 2015 – *Нестеров А. В.* Колесо Фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового века. Москва, 2015.
- Перлоу 2006 – *Перлоу К.* Образ Меланхолии и развитие идиомы барокко / Пер. В. Н. Проскурякова. 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.li/z6yYu> (дата обращения: 12.11.2016).
- Платон 1993 – *Платон.* Собрание сочинений. В 4-х томах. Том 2. Москва, 1993.
- Плотин 2003 – *Плотин.* Эннеады V 1: О трёх первоначальных субстанциях. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/ploti01/txt37.htm> (дата обращения: 13.11.2016).
- Старобинский 2016 – *Старобинский Ж.* Чернила меланхолии / Пер. с фр. Общ. ред., предисл. С. Зенкина. Москва, 2016.
- Штаерман 1997 – *Штаерман Е. М.* Сатурн // *Мифы народов мира.* Том 2. Москва, 1997. С. 417.
- Южакова 2010 – *Южакова Е. В.* «Меланхолия I» Альбрехта Дюрера: история интерпретаций // *Известия Уральского государственного университета.* Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 206–217.
- Юханнисон 2011 – *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / Пер. со швед. И. Матыциной. Москва, 2011.
- Aristotle 1927 – *The Works of Aristotle / Transl. under the ed. of W. D. Ross.* Oxford, 1927. Vol. VII: *Problemata* (by E. S. Forster). URL: <https://archive.org/details/p2workstranslat09aris> (дата обращения: 18.11.2016).
- Beecher 1987 – *Beecher D. A.* Everyman's Saturn // *FLORILEGIUM.* 1987. N 9. P. 169–180.
- Duits 2011 – *Duits R.* Reading the Stars of the Renaissance. Fritz Saxl and Astrology // *Journal of Art Historiography.* 2011. N 5 (December). P. 1–16. URL: <http://arthistoriography.files.wordpress.com/2011/12/duits.pdf> (дата обращения: 27.11.2016).
- Finkelstein 2005 – *Finkelstein D. R.* The Melencolia Code // *School of Physics, Georgia Institute of Technology.* 2005. URL: http://www.citizenarcaner.com/files/2005/April/21/melencolia_code_by_finkelstein.pdf (дата обращения: 22.11.2016).
- Gowland 2006 – *Gowland A.* The Worlds of Renaissance Melancholy: Robert Burton in Context. Series // *Ideas in Context.* N 78. Cambridge University College, 2006.

- Haskell 2009 – *Haskell Y.* The languages of melancholy in early modern England // *The British Journal for the History of Science*. 2009. N 42 (2). P. 275–280.
- Kasak, Veede 2001 – *Kasak E., Veede R.* Understanding Planets in Ancient Mesopotamia // *Folklore*. Vol. 16. Tartu, 2001. P. 7–33.
- Klibansky and oth. 1964 – *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F.* Saturn and Melancholy. Studies in the History of Natural Philosophy, Religion, and Art. New York, Basic Books, 1964.
- Lawrence 2005 – *Lawrence M.* Hellenistic Astrology // *The Internet Encyclopedia of Philosophy*. ISSN 2161-0002. 2005. URL: <http://www.iep.utm.edu/astr-hel> (дата обращения: 22.11.2016).
- North 1989 – *North J.* Stars, minds, and fate: essays in ancient and medieval cosmology. London, 1989.
- Panofsky 1972 – *Panofsky E.* Father Time // *Panofsky E.* Studies in Iconology: humanistic studies in the art of Renaissance, 1972. P. 69–94.
- Panofsky, Saxl 1933 – *Panofsky E., Saxl F.* Classical Mythology in Mediaeval Art // *Metropolitan Museum Studies*. 1933. Vol. 4. N 2. P. 228–280. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=1556-8725%28193303%294%3A2%3C228%3ACMIMA%3E2.0.CO%3B2-C> (дата обращения: 29.11.2016).
- Preester 2007 – *Preester H. de.* The Odd Position of the Melancholic – The Loss of an Explanatory Model? // *Art and Science*. Vol. V: Proceedings of a Special Focus Symposium on Art and Science. The 19th International conference on systems research, informatics and cybernetics / Ed. by G. Lasker, H. Schinzel, K. Boullart. 2007. URL: <https://helenadepreester.files.wordpress.com/2010/11/depreestertheoddposition.pdf> (дата обращения: 26.11.2016).
- Seznec 1961 – *Seznec J.* The survival of the Pagan Gods: the mythological tradition and its place in Renaissance Humanism and Art. NY, 1961.
- Su 2007 – *Su Tsu-Chung.* An Uncanny Melancholia: The Frame, the Gaze, and the Representation of Melancholia in Albrecht Dürer's Engraving Melencolia I // *Concentric: Literary and Cultural Studies*. 2007. Vol. 33. N 1. P. 145–175.
- Voss 2007 – *Voss A.* 'The Power of a Melancholy Humour': Divination and Divine Tears // *Seeing with Different Eyes: Essays in Astrology and Divination* / Ed. Patrick Curry and Angela Voss. Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 150–169. URL: https://www.academia.edu/472454/Divination_and_Divine_Tears_the_power_of_a_melancholy_humour (дата обращения: 26.11.2016).
- Yates 1981 – *Yates Fr. A.* Chapman and Dürer on Inspired Melancholy // *University of Rochester Library Bulletin*. 1981. Vol. XXXIV. URL: <http://rbscp.lib.rochester.edu/3566> (дата обращения: 01.11.2016).

Yates 1979 – *Yates Fr. A.* The Occult Philosophy in the Elizabethan Age. London, 1979.

Warburg 1999 – *Warburg A.* Italian Art and International Astrology in the Palazzo Schifanoia, Ferrara // Warburg A. The Renewal of Pagan Antiquity. Los Angeles, 1999. P. 563–592. URL: <http://www.docfoc.com/aby-warburg-1999-italian-art-and-international-astrology-in-the-palazzo-schifanoia> (дата обращения: 19.11.2016).

Материал поступил в редакцию 01.12.2016

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Мифологический Сатурн в представлениях позднего Средневековья

- a. Куртуазная идиллия квази-античности: Сатурн на фоне олимпийцев. Иллюстрация Антуана де Роллена к «*Livre des Échecs amoureux moralisés*» Эврара де Конти. 1460-е гг.
- b. Сатурн пожирает младенца на фоне оскотления Урана. Иллюстрация Робинэ Тестара к «*Livre des Échecs amoureux moralisés*» Эврара де Конти. 1490-е гг.

Рис. 2. Сатурн как Небесный покровитель

- a. Кронос-Сатурн из виллы в Помпеях. Фреска I в. н. э.
- b. Кронос на рельефе в Пальмире. II в. до н. э.
- c. Сатурн и его «дети» с французского издания «Эпистола Оции к Гектору» Кристины Пизанской. Начало XV в.
- d. Мусульманский планетарный Сатурн *al-zukhal* (рукопись Turkish Ms. W. 659).
- e. Сатурн зодиакальный с фрески 1314 г. Rocca di Angera, «*Sala di Giustizia*».
- f. Колесница Сатурна с перевода компендиума «*Flores astrologiae*» Альбу-масара [B.O. 7410].

Рис. 3. Сатурн как Отец-Время: Формирование образности

- a. Вавилонское божество. Небесный воитель (Нинурта?).
- b. Отец-Время на фреске Строцци «Триумф Времени» (по Петрарке). Деталь. 1450-е гг.
- c. Сатурнический Отец-Время на фреске Джакопо дель Силайо «Триумф Времени» (по Петрарке). Деталь. 1480-е гг.
- d. Крылатый Кайрос – древнегреческий бог счастливого мгновения. Римская копия рельефа Лисиппа IV в. до н. э.
- e. Деталь гравюры XV в. «Сатурн и его дети» (приписывается Масо Фини-гуерра).
- f. Хронос / Сатурн в коляске на фреске Франческо Песселино «Триумф Времени» (по Петрарке). Деталь. 1450-е гг.

Рис. 4. Иконография гуморов и темпераментов (XV в.)

- a. Четыре темперамента в «Пособии гильдии Цирюльников города Йорка» (Egerton MS 2572). 1475–1499 гг.
- b. Флегматики и Меланхолики с Аугсбургского календаря 1480 г.
- c. Четыре темперамента с фолио из Цюриха. Середина XV в.
- d. Холерики и Меланхолики со Страсбургского календаря 1500 г.

Рис. 5. Дама-Меланхолия

(аллюзии XV–XVI вв. на поэму Алена Шартье)

- a. Меренколия и Разумение навещают поэта. Фронτισпис к фолио «*Les fais de maistre*» Алена Шартье. 1489 г.
- b. Меланхолия и Разум. Зарисовка к «*Триумфу Надежды*» Алена Шартье. 1530 г.
- c. Сердце Меланхолии. Гравюра Ренато Анджио. 1475 г.

Рис. 6. Меланхолия в иконографии XVI в.

- a. Альбрехт Дюрер. MELENCOLIA-I. Гравюра. 1514 г.
- b. Лукас Кранах Старший. Аллегория Меланхолии. 1532 г.
- c. Чезаре Риппа. Асцидия. Ок. 1600 г.
- d. Маттиас Герунг. Меланхолия в саду Жизни. Деталь. 1558 г.
- e. Ганс Зебальт Бехам. Melencolia. 1535 г.

Рис. 7. Меланхолические старцы и Сатурн (XVI–XVII вв.)

- a. Джулио Кампаньола. Сатурн. Гравюра 1490-х гг.
- b. Жак де Гейн. Сатурн в образе Меланхолика. Гравюра. Копия С. Долендо. 1596–1597 гг.
- c. Рафаэль Заделер. Меланхоликус. 1560–1630 гг.
- d. Джулио Кампаньола. Астролог. 1509 г.
- e. Маттиас Герунг. Великий Геометр. Деталь картины «*Меланхолия в саду Жизни*». 1558 г.
- f. Джироламо да Санта Кроче. Сатурн. 1540-е гг.

Рис. 8. Меланхолия и Vanitas на картинах XVI–XVII вв.

- a. «Юноша обучается у дерева средь Роз» (вероятно, Роберт д'Эвре, 2-й граф Эссекс). Миниатюра Николаса Хиллиарда. 1588 г.
- b. «Ванитас». Гравюра Лукаса ван Лейдена. Ок. 1519 г.
- c. «Ванитас» или «Юноша с черепом» Франса Хальса. 1628 г.
- d. Медальон работы Николаса Хиллиарда: Сэр Генри Перси, 9-й граф Нортумберлендский. 1595 г.
- e. «*Exilium Melancholiae*» Бартоломеуса Хофера. 1643 г.
- f. «*Nascentes Morimur. Mors rediviva*» Рафаэля Заделера. Антверпен. 1587 г.
- g. «Меланхолия» Доменико Фетти. 1620 г.

Рис. 1. Мифологический Сатурн в представлениях позднего Средневековья

Рис. 2. Сатурн как Небесный покровитель

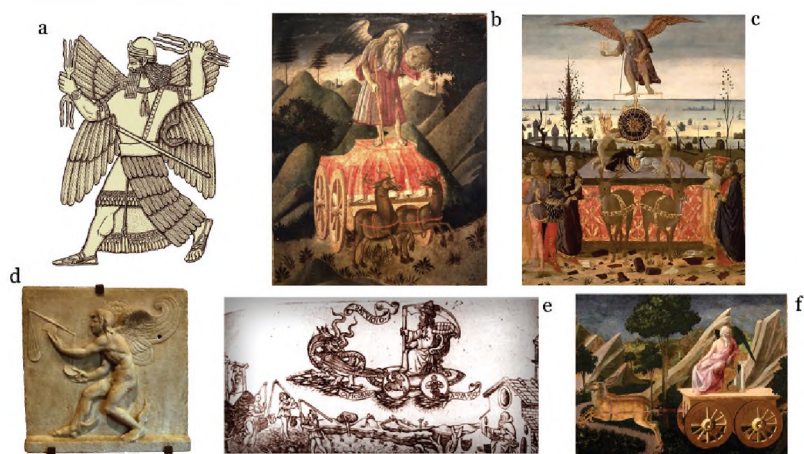

Рис. 3. Сатурн как Отец-Время: Формирование образности

Рис. 4. Иконография гуморов и темпераментов (XV в.)

Рис. 5. Дама-Меланхолия (аллюзии XV-XVI вв. на поэму Алена Шарттье)

Рис. 6. Меланхолия в иконографии XVI в.

Рис. 7. Меланхолические старцы и Сатурн (XVI–XVII вв.)

Рис. 8. Меланхолия и Vanitas на картинах XVI–XVII вв.